

Феерическая драма о жизни Сергея Есенина и Айседоры Дункан «СОН ЛЮБВИ В АДУ И В РАЮ»

(Инсценировка Пьесы Мэтью Рюнтю «Ад Сергея Есенина и Айседоры Дункан»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЕСЕНИН**

Знаменитый русскоязычный поэт России (РСФСР). Сегодня безработный. Христианин. Крещен Православной Русской Церковью (село Константиново). Разведен дважды. Отец двоих детей: мальчика и девочки от разных матерей. Сейчас у него медовый месяц. Гражданин РСФСР. Эпилептик. Алкоголик. Наркоман (с 1923 после отъезда из США). Разговорный язык - русский. Из родителей жива мать и несколько близких родственников в России. Образец интеллектуальной христианской элиты Российской Империи и СССР.

**АЙСЕДОРА
ДУНКАН**

Суперзвезда мирового шоу-бизнеса. Секс-символ США. Христианка. Бездетна. Много браков и разводов. Гражданка США. Жена С. Есенина. Наркоманка: кокаин и морфий. Разговорные языки - английский, немецкий, французский, испанский и итальянский. Ездит на гастроли с: маникюршей, парикмахершей, поваром и домработницей. Ни дня без драгоценностей, роскоши и голливудских гонораров. Образец интеллектуальной христианской элиты мира.

**СУМАСШЕДШИЙ,
он же
«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»**

Бывший солдат. Сегодня безработный. Без гражданства и без статуса беженца. Один из тех, кто не выдержал и потерял психическое здоровье после крушения Российской Империи. Голодает в эмиграции с 1919.

**НИКОЛАЙ
МАКСИМОВИЧ
МИНСКИЙ**

Русский литератор. Сегодня журналист и полубезработный. Христианин. Не женат. Пишет стихи и музыку. Организатор русских поэтических вечеров С. Есенина в Берлине (1922-23). Гомосексуальный партнер Сергея Дягилева, Игоря Стравинского и Ж. Кокто. Закончил Императорский Университет (Россия). Разговорные языки: русский, немецкий, французский, украинский. Без гражданства и без статуса беженца. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ

Суперзвезда мировой балетной культуры. Христианин. Холост. Гражданин Франции. Миллионер с наследством на Западе и голливудскими гонорарами. Разговорные языки: русский, немецкий, итальянский, английский. Эмигрировал в знак протеста против Советской Власти и геноцида над интеллигенцией. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

**ИГОРЬ
СТРАВИНСКИЙ**

Талантливый композитор (1922-23). Христианин. Готов эмигрировать за океан. В будущем один из отцов классической музыки XX века США (вместе с Рахманиновым и Гершвином). Эти три имени создали почти всю музыку века в США. Сейчас работает по контракту в балетах С. Дягилева, как композитор. Без гражданства и без статуса беженца. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

АЛЕКС ВЕТЛУГИН

Переводчик, нанятый семьей для переводов разговоров между молодоженами Сергеем и Айседорой. Холост. Сопровождал семью во время гастролей: Бельгия, Германия, Франция и США (1922-23). Христианин. Сотрудник Политической Полиции РСФСР. Гражданин России. Закончил Императорский Университет (Россия). Разговорные языки: русский, английский, немецкий. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

ВЕНИАМИН ЛЕВИН

Русскоязычный и идиш язычный литератор. Поэт, журналист. Религия - иудаизм. Друг С. Есенина: 1918-1923. Без гражданства и статуса беженца. Получил право на проживание и работу в США. Разговорные языки: русский, идиш, украинский и английский. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

ИММАНУИЛ БРАГИНСКИЙ

Русскоязычный и идиш язычный литератор. Писательский псевдоним “Мани Лейб”. Один из популярных писателей коротких рассказов в идиш язычной прессе Нью-Йорка (1922-23). Друг В. Левина. Религия - иудаизм. Без гражданства и статуса беженца. С семьей родителей жены и с детьми они получили право на проживание всей семьей в США. Разговорные языки: русский, идиш, украинский и английский. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

САППА БРАГИНСКАЯ

Жена И. Брагинского. Религия ортодоксальный иудаизм. Строгое соблюдение всех канонів и обычаев Моисея. Очень религиозная женщина и образцовая “еврейская мама”. Достойная женщина и любящая мать и жена. Отзывчивая и сердечная, способная забыть обиды со стороны больного человека. Возмущенная плевком С. Есенина в лицо мужа и ответной пощечиной с его стороны, нашла в себе “силы” пойти “навстречу” к больному поэту. Она всех помирила, чтобы не было мук и боли от ошибок с той и другой стороны. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА АНДРЕЕВА

Общеизвестная женщина из театрального мира России и РСФСР. С 1918-1921 годы была комиссаром театров и зрелищ РСФСР и директором Большого Драматического Театра (Москва). Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Известный русско-советский писатель России и РСФСР. Христианин. Общеизвестен своим шовинизмом и комплиментами в адрес фашизма в Германии. Сбежал с Запада в Россию от кредиторов, которые отказались спонсировать его рулеточную и картежную игру в Берлине и Париже. Он был графом и остался “графом” от Советской Литературы. Награжден орденами и медалями СССР. (Получил пощечину от О. Мандельштам за расистское “лингвистическое” нападение на жену Мандельштам. Немедленно написал донос на “изоляцию” О. Э. Мандельштам в Сибирь и концлагеря. Но, это все дальше в будущем. Сейчас: 1922-23). Он герой эмиграции и предлагает всем возвратиться к Ленину и Троцкому ради строительства коммунизма на Родине. Образец интеллектуальной антихристианской элиты Российской Империи за границей.

ШОУ-ДЕВУШКИ И ШОУ-МАЛЬЧИКИ

Танцуют в качестве живой стены “для развлечений”, когда великая танцовщица Айседора Дункан переодевается из “номера в номер”. Они

ИЗ КОРДЕБАЛЕТА

же танцуют и в гомосексуальном кафе, что было новинкой и экзотикой в Берлине 1922-23. У всех одежда: карнавального и экстравагантного типа. Страусовые перья. Блестки. Разрезы в неприличных местах. Общая атмосфера разврата и морального разрушения. Пройдет двадцать лет и фюрер, благословенный Германией, отправит: гомосексуалистов, евреев и цыган в газовые камеры. Их пепел удобрит поля Германии (1939-1944). Свобода обернется трагедией и мировой катастрофой.

Действие первое

Картина 1

Пустая сцена. Яркий свет, льющийся на всю площадку. Падает белый то ли пух, то ли снег, то ли просто в мираже чьего-то сна осыпаются белые цветы на приподнятый подиум сцены.

Приподнятый планшет сцены опускается в направлении зала, и на нем на оголенном дощатом помосте медленно таинственно и величаво вращается барабан подвесной карусели, словно подобие магической сансары, состоящий из жизни и смерти простых людей, героев, гениев и богов. В общем, великая иллюзия бесконечной драмы любви. Слышны детские голоса, эхом раздающийся смех. Мальчик и девочка лет 5-6 бегают, играют в этой вселенской пустоте еще только зарождающейся драмы человеческих страстей. Высокий тонкий звук надмирно колеблет молчаливое ожидание зрителей. Дети играют и исчезают, появляются и убегают... Тихо и пустынно, иллюзорно и безумно красиво это предощущение будущего.

Затемнение.

Картина 2

Слышатся голоса различных радиостанций на разных языках: «Айседора Дункан в Москве!...»

Яркий свет. Сцена заполнена людьми околбогемной тусовки. Приглашенные гости, расположившись кто где, замерев от восхищения смотрят на танцующую Айседору Дункан. Непревзойденно и величаво, будто спустившаяся с небес, двигается в танце Айседора. Ее легкое грациозное платье перламутрового оттенка, греческие сандалии, развивающиеся при каждом движении атласные волосы, яркие губы, приглушенный макияж, и вместе с тем абсолютная свобода и яростная грация каждого движения создают незабываемый образ гармонии и совершенства. Звучит Вагнер. Она танцует так, как будто сам Олимп взирает на нее восхищенными глазами всемогущих и всемогущих небожителей. Гости в экстазе.

Внезапно вваливается в стельку пьяный Есенин. Его ломаные жесты, его падение на колени, неловкие попытки подняться, - абсолютно контрастны по отношению ко всей предыдущей сцене.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (сквозь смех рождает, как будто бы в пьяном бреду строки):

...Голова моя машет ушами, как крыльями птица... (Падает) Ей на шее ноги маячить больше невмочь. (Пытается встать) Черный человек, черный, черный... (Смеется) на кровать мне садится...

Пауза. Обрывается музыка Вагнера. Немая сцена. Есенин и Айседора встретились взглядами.

ГОСТИ полушепотом, почти «гур-гур»:

ЖЕНЩИНА: Опять надрался...

МУЖЧИНА: Сергей Александрович...

ЖЕНЩИНА: Товарищ Есенин, да Вы пьяны...

МУЖЧИНА: Сережа, дорогой наш, наш гений, здравствуй. У нас великая танцовщица - Айседора Дункан. Знакомьтесь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (пытаясь не терять равновесие): Да, я – поэт... Черт возьми... Я не чета каким-то там Демьянам, (не отрывая глаз от Айседоры) И пусть бываю иногда я пьяным, Зато в глазах моих прозрений дивных свет... (Потеряв равновесие, рухнул Айседоре в ноги).

АЙСЕДОРА ДУНКАН (беспомощно оглядывается): Is it angel?.. Is it... angel?.. Angel?.. (улыбаясь) His head is so...so gold! (обращаясь к гостям) How say in Russian «the gold head»?»

КТО-ТО ИЗ ГОСТЕЙ: За-ла-та-я га-ла-ва.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: За-ла-та-я га-ла-ва.

ВСЕ ГОСТИ ХОРОМ скандируют: За-ла-та-я га-ла-ва. За-ла-та-я га-ла-ва. За-ла-та-я га-ла-ва.

АЙСЕДОРА ДУНКАН (сначала шепотом, потом все громче и громче, мило коверкая слова):

За-ла-та-я га-ла-ва. Залатая галава. (Почти крича) Залатая галава!

Затемнение.

Картина 3

Это почти танец. Два разноязычно говорящих человека кружатся в витиеватом странном танце по сцене. Они то ли ищут удобного положения для беседы, то ли места для секса, то ли просто возможности рухнуть, забыв про все и вся, наслаждаясь друг другом, и остаться в вечности не двумя гениями современной культуры, а простыми людьми, простыми смертными, жаждущими тепла и ласки.

ЕСЕНИН (как озорной мальчишка, сбежавший с подружкой от назойливых взрослых):

...Давай остановимся... Нам нужно остановиться... (Пауза). Хотите стихи?.. Я прочитаю стихи...

Пауза. Страстно целуют друг друга в губы.

Их поцелуй прерывает звук марширующих шагов вооруженных солдат, слышатся

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫКРИКИ: Раз, два, три... Раз, два, три... Взвод, нале-во! Раз, два, три...

Есенин и Айседора хохочут. Начинает кружиться пустая карусель.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (кричит): Извозчик!

Айседора и Есенин бегут по кругу и запрыгивают на карусель. Делают на ней три круга под колокольный звон.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Эй, отец. Ты что, венчаешь нас, что ли? Вокруг церкви, как вокруг аналоя, три раза ездись. (Пауза). Повенчал. (Смеется).

АЙСЕДОРА ДУНКАН (кричит сквозь смех): Я лублу Есенин! (Много раз).

Колокольный звон усиливается. Затемнение. Тишина. Шепот.

Голос **СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА:** Хочу тебя (шепотом, много раз).

АЙСЕДОРА ДУНКАН (шепотом, много раз): I wont you. (Шепот, эхо).

Затемнение.

Картина 4

Слышатся голоса различных радиостанций на разных языках: «Гастроли Айседоры Дункан и Сергея Есенина в Берлине!...»

Зрительный зал “Дома искусств” в Берлине. На сцене стол и стул. Занавес полуоткрыт в зал. Центр русской эмиграции. Идет представление: русские песни, танца, частушки. Все ждут выступления С. Есенина и его жены. Лето 1922.

ГОЛОСА: Есенин! Приехал! Суперзвезда Айседора с ним! Сюда молодожены!

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый Сережа! Готов? Тебе идет этот роскошный костюм. Бабочка к лицу. Белые ботинки в самый раз. Bravo! Вперед.

(Поправляет гвоздику в петлице его пиджака. Восхищенно смотрит в глаза. Он целует ее в щеку.)

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Готов. Быдло ждет. Я готов на стихи!

Спустился из-за занавеса сцены в зал по маленькой лесенке. Он впереди. Жена за ним. Не помогает жене. Не дает руки на людях. Демонстрирует свою мужскую независимость. Вскакивают несколько офицеров Белой Гвардии Юденича и Деникина. Они отдают ей честь. Подают руки. Помогают спуститься по лесенке. Айседора в декольтированном красном платье. Каждый из офицеров целует ей руки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Скорее, Айседора! Брось их, ублюдков!

Остановился. Ждет спиной к жене. Не оглядывается. Она подходит и берет его под руку.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Любимый Сережа!

Целует его в щеку. Аплодисменты в зале.

Крики: “Ура, Второму Пушкину! Да здравствует Америка. Да здравствует Революция! Ура молодоженам Есениным!”

Аплодисменты усиливаются. Всеобщий восторг.

СУМАСШЕДШИЙ: Vive L'International!

Вскочил на стул. Замахал кепкой. Дирижирует, как бы “оркестром”. Безумный крик. Повторяет свои слова снова и снова. Машет кепкой в сторону Дункан из конца зала. Крик становится истеричным. Никто этого не ожидал. Никто не знает, как себя вести. Вдруг несколько гостей начинают петь “Интернационал”. Хор усиливается. Некоторые в зале встали. Однако почти все сидят.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Chantons - La!

Улыбается. Тянет руки в сторону сумасшедшего. Шлет воздушные поцелуи. Муж взбешен. Он отмахивается от сумасшедшего обеими руками. Сумасшедший приближается, хочет обнять С. Есенина. Зал оглушительнее и истеричнее подхватывает “Интернационал” на французском.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Сумасшедшие! Я не позволю! Бандиты! Не смейте петь гимн РСФСР на французском. Надо на русском языке. Это гимн вашей России. Ура!

В зале крики: “Долой! К черту! Коммуниста Есенина на мыло!”

Свист в зале. Все встали на стулья. Видна потасовка. Мнения разделились. Одни поют на русском “Интернационал”, а другие поют на французском.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Остановитесь! Господа, успокойтесь!

Из зала поднялся на сцену. Сел за стол. Звонит в председательский колокольчик.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Подлецы. Смееют свистать против нового гимна России. “Боже Царя”, им подавай. Никогда, этого не будет! Я не позволю! Я поэт РСФСР! Я патриот. Я всех засвищу. Я умею пуще вас всех свистеть, по-деревенски в три пальца!

Вскочил на стул. Перебежал из зала на сцену. Вскочил на стол на сцене. Вкладывает три пальца в рот. Свистит по-разбойничьи. Айседора в восторге. Хлопает в ладоши. Хохочет. Говорит, что-то по-английски. Подходят любые слова на усмотрение актрисы.

СУМАСШЕДШИЙ: Он бандит. Он “Соловей-Разбойник” с большой дороги!

Вскочил на стул. Свистит, подражая поэту. Зрители: повскакивали на стулья, свистят, кто как может. Возгласы поощрения, аплодисменты. Возгласы недовольства. Выкрики брани на всех европейских языках. Слова на усмотрение актеров.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Я звоню в колокольчик. Я председатель собрания поэтов. Я организовал эту встречу. Хватит, господа. Уймись! Все замечательно.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я хочу читать стихи о России.

Спрыгивает со стола на сцену. Пожимает руку председателю. Они ждут, когда в зале успокоятся.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Сергей Александрович!

Обращается спокойным голосом в зал.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Есенин прочтет нам свои любимые стихи. Тишина! Тишина!

Поэт выходит на центр сцены. Ждет тишины. Начинает шепотом.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:

Гей ты, Русь моя родная,

Хаты - в ризах образа...

Не видать конца и края -

Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.

А у низеньких околиц

Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом

По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за косогором

На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке

На приволь зеленых лех.

Мне навстречу, как сережки,

Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:

“Кинь ты Русь, живи в раю!”

Я скажу: “Не надо Рая,

Дайте Родину Мою”.

Гром аплодисментов. Некоторые вытирают глаза от слез.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: (Читает монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев»)

Аплодисменты. Полный восторг. Все встали. Сидит только жена поэта.

Аплодисменты. Забыты все недоразумения с первых минут вечера.

Сергей Есенин уходит со сцены. Возвращается в зал к жене. Она встает навстречу.

Она целует его в щеку. Смотрят с восторгом в глаза друг другу.

АЙСЕДОРА ДУНКАН (шепотом Есенину): I wont you... I wont you... I wont you...

Крики: “Второй Пушкин!” “Браво, Сереженька!” “Слава гению!”

Затемнение.

Картина 5

Декорации: Улица на перекрестке у “Дома искусств” в Берлине. Поэта окружили его друзья. Все только что вышли на воздух после вечера поэзии. Лето 1922.

Голоса: “Счастливого пути в Америку!”, “Пока, Есенин!”, “Удачи с Айседорой!”

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Дорогой Сережа, спасибо за вечер. Сердечные стихи! Это редкость сегодня!

Обнимает, целует его в губы. Его рука нежно скользнула по плечу и спине Есенина.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Не трогай его. Он мой!

Ревниво отгораживает мужа от чрезмерных мужских комплиментов.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Успокойся, родная! Я не люблю голубых Пастернаков, Кузминых и Блоков. Будь покойна на мой счет. Ха-ха-ха.

Целует жену в губы.

МУЖЧИНА: Доброго здоровья, Сергей и Айседора! Роскошный вечер. Спасибо за все!
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Да, кстати, я слышал, что в Германии появилась новая экзотика! Открыли гомосексуальные кафе!
НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Это сенсация! Я там каждый день.
АЙСЕДОРА ДУНКАН: Гомосексуальные кафе с кокаином?
НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Там есть все!

Глаза горят. Обворожительно улыбается. Зовет с собой. Рукой показывает в сторону соседней улицы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Люблю диковинки. Такого в России еще нет! Пока все заняты революцией. (Смеется)

АЙСЕДОРА ДУНКАН (смеется): Да уж, все заняты революцией! В России не до любви. Поэтому мы едем в США ради любви.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Вот Айседора и открыла нашу тайну.

Обнимает жену. Затяжной поцелуй. Она отбивается от него ладонями.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Еще! Еще Сергей! Я люблю тебя.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Такси?

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Я все покажу, где это. Там часто бывают Дягилев и Стравинский. А что Вы удивляетесь? (Обращаясь к Есенину) Они мои новые друзья. Ох, эти летние развлечения в Берлине!

Затемнение.

Картина 6

Вошли. Вокруг громкая музыка. Танцуют обнаженные молодые красавцы. Разговоры на всех европейских языках. Шумно. Подходит официант.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ура! Где мой обещанный кокаин, Сереженька?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Сейчас, дорогая.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Сюда! Сюда! Вот и мои друзья.

Достает портмоне. Красит губы. Подводит глаза и брови. Переворачивает пиджак на другую сторону. Из черного и строгого пиджака - он становится в цветочках и мелких корзиночках. Зовет к себе знакомых от соседнего столика.

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ: Привет, Есенин. (Пауза) Я, Дягилев.

Берет руку Есенина и целует каждый палец в отдельности.

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ: Привет, суперзвезда Айседора!

Протягивает свою руку. Неожиданно для всех Айседора целует каждый палец на руке Дягилева. (Пауза).

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ: Привет, суперзвезда Айседора!

Дягилев целует каждый палец на руке Айседоры.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Вы суперзвезда, Дягилев. Вы – гений!

Просит подсесть к себе на стул. Сидят, обнявшись на одном стуле. Подбегает официант. Подает стул для тучного Дягилева.

ИГОРЬ СТРАВИНСКИЙ: Поклон, тебе Коля.

Обнимает Минского. Целуются. Замерли, положив руки на плечи друг друга. Пошли танцевать.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Вот и принесли.

Хватает кокаин. Высыпают на стол. Нюхают по очереди с Айседорой. Вокруг никого нет. Все ушли танцевать.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Мне нравится. Я счастлив.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: И я счастлива. Золотая голова... Золотая голова... Золотая голова... (Смеется) Как здесь чудесно! Диковинное место!

Говорят по очереди. Все закружилось вокруг в ночном шоу-представлении. Сидят и смотрят танцы обнаженных мужчин на сцене. Столбы дыма. Подносят вино, шампанское, кокаин и кока-колу, где тоже кокаин.

Затемнение.

Картина 7

Декорации: Ресторан в “Доме искусств” в Берлине. Лето 1922. Идет представление на сцене: русские танцы, цыганские песни. В зале нет рядов из стульев, как вчера. Расставлены столики для гостей. Все сидят за столом. Очень празднично. Все в смокингах. Официанты.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Господа! Мы прощаемся с Германией. Сейчас Айседора скажет.

Сел за стол. Смотрит в глаза жене.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я всех вас люблю. Я рада всем.

Поднимает бокал с шампанским. Улыбается.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Спасибо за приезд в Берлин. Танцы Айседоры роскошны.

Гастроли фантастичны. Вы - суперзвезда.

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ: Айседора, ты роскошна и сказочна! Ты как Анна Павлова!

ИГОРЬ СТРАВИНСКИЙ: Да здравствует голливудская звезда Дункан!

Поднимает бокал с шампанским.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Спасибо, господа. Я знаю. Я суперзвезда. Но я бы сказала: Да здравствует великий поэт Есенин Сергей!

Касается бокалом бокала мужа. Вокруг танцы. Скрипачи. Цыганские романсы. Весело.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ: Эх, жаль Сережа, что ты красный!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Ну, какой же я красный? (Смеется). Я лиловый. Посмотри, сколько парикмахер насыпал на меня пудры после бритья!

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Да, ты белый-белый, золотой мой Сережа.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Да, опять меня перепудрили в парикмахерской! Ха-ха-ха!

Все вокруг дружно засмеялись. Подняли бокалы с шампанским.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Мы едем сейчас в Бельгию. А представьте, только три дня назад были в России.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Завтра, после бельгийских концертов, будет Франция.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Потом, осенью отправляемся в Канаду.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: А потом, в США! Домой! Я люблю Нью-Йорк! Я обожаю Бродвей!

АЙСЕДОРА ДУНКАН, СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Спасибо друзья. До встречи после приезда из Америки в Берлин.

Гости кричат: “Ура”. Обнимаются. Желают всего доброго и удач.

Затемнение.

Как цветок, из небытия, в центре сцены появляется роскошная Айседора Дункан, изысканно и грациозно выступая в дивном наряде. Силуэт танцовщицы растворяется в лучах заката.

Музыку танца постепенно перекрывают ностальгические русские мотивы. На сцене появляются богомольцы, гуслиеры, калики, которые были естественной частью русского пейзажа.

Затемнение.

Картина 8

Слышатся голоса различных радиостанций на разных языках: «Айседора Дункан вернулась в США!..»

Шикарные апартаменты отеля.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Сереженька. Мы дома. Это самое лучшее место в мире.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я вижу. Это не нищая Москва с ее Революцией и Гражданской Войной. (Берет бутылку водки).

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ты, знаешь, я раньше думала: что есть телесный голод по сравнению с духовным? Мне казалось, что духовный голод намного страшнее. Я ехала в Россию, чтобы иметь собственный театр, публику, которой не придется покупать билеты, учеников, которые не будут платить за обучение. Я чувствовала себя на пути в рай, где царят чистая любовь, гармония, творчество, где нет глупых условностей, где каждый человек отдает все лучшее, что в нем есть, другим. Я просталась со старым миром навсегда. Приехав в Россию... Новый мир – это ты.

Есенин выпивает залпом из горла бутылки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (рождает поэму «Черный человек»):

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.
Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь... (Пауза. Падает на пол).
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
(Плачет).
Черный человек...

(Обращаясь к Айседоре):

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Ночь морозная...

Есенин сжался в судорогах. Падает в эпилептическом припадке, который заглушает бешеный танец «кан-кан».

АЙСЕДОРА ДУНКАН (кричит сквозь визги танцовщиц и музыку): Доктора! Доктора!
Доктора!

Затемнение.

Антракт

Действие второе

Картина 1

Апартаменты Айседоры в Нью-Йорке.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ты ляжешь в больницу к ученику Фрейда в пригороде. Тебя вылечат.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Это безумно дорого. На эти деньги я мог бы купить квартал из частных домов в Замоскворечье, десять сел “Константиново” или несколько особняков на Невском проспекте.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: “Константиново” мы “проедаем” за два дня. Брось считать деньги. Я обожаю тебя. Забудь о Европе. Это Америка. Здесь нет войны. Мир. Розы. Покой. Безопасность.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я видел, как депортируют социалистов и коммунистов обратно из порта в Нью-Йорке. Страшное зрелище.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Это не твоя жизнь. Ты гений! Ты, второй Пушкин. Смотри, сколько газет пишут о тебе. О Ленине столько нет в прессе. Это слава. Это работа. Ты найдешь для себя место. Тебе только-только было 25. Ты сильный. Главное вылечиться от эпилепсии.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Конечно, мое сердце, Айседора.

Встает перед ней на колени. Целует край платья.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Ты сказочная женщина. Ты голливудская звезда. А что такое секс-символ Америки?

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я не знаю, Сереженька! Это считают журналисты. Ты готов идти на концерт в Белый Дом? К семье Президента!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я готов с тобой хоть куда, моя Айседора!

Встает. Подходит к вазам, где стоят сотни и сотни роз. Берет бутон. Подносит жене.

Целует цветок и вдевает бутон в ее волосы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Но я все же лягу в больницу. А ты езжай на гастроли по городам. А я буду тебя ждать и лечиться.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ты выдержишь несколько месяцев?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Тебе выступать в двадцати городах. Я знаю - это сумасшедший дом. Я умирал “без тебя” в Бельгии и Франции.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ты остаешься?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Да. А ты не беспокойся. Я буду на лужайке. Мне будет все передавать наш переводчик Алекс. Спасибо за все.

Обнялись. Целуются. Начинают заниматься сексом. Интимные сцены на усмотрение режиссера. Эти люди жили открыто и не скрывали своих желаний от публики.

Картина 2

Декорации: Конец ноября 1922. США. Больничная палата в частной больнице под Нью-Йорком. Разговоры ведутся в полутемной комнате. Переводчик показывает фотослайды Есенину о шоу-программах его жены в двадцати городах страны. Фотослайды сделаны по материалам американских газет и журналов. Больничная палата не менее двадцати квадратных метров. Радио. Телефон. Домашняя мебель, цветы, зеркала и окно в сад с видом на озеро и парк. Поют птицы в клетках. Рядом несколько кошек и собака - спаниель.

АЛЕКС ВЕТЛУГИН: Смотри, Сережа! Тысячи фотографий в сотнях и сотнях газет.

На белой стене появляются “кадры” из выступлений Айседоры в восточных и центральных штатах. Режиссер-постановщик выбирает на свое усмотрение. Все доступно из архивов газеты “Нью-Йорк Таймс”.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Она суперзвезда. Я никогда не догадывался, что она так знаменита. Мелькают кадры. Один за другим. Он восхищен. Курит трубку. Дым виден в луче диапроектора.

АЛЕКС ВЕТЛУГИН: А, еще она, прислала несколько фильмов. Посмотрим?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я устал на сегодня. Я должен выспаться. Хочу выглядеть свежим и без синяков под глазами. Я устал от этой роскоши. Консервы для кошек из печени и чистой говядины. Витамины и специальная еда для собаки. Парикмахерские для животных. Магазины одежды для кошек. Я начал сходить с ума от 1922 года в Америке.

АЛЕКС ВЕТЛУГИН: Это их жизнь. Страна более 100 лет без войны. Здесь мир, богатство и покой. Это мечта. Поколение из поколения живут без похоронок с фронта. Это счастье. Разве не так?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Это счастье. Это Божья милость. Революция это Гиена Адова. Это разгул Дьявола и его бесов.

АЛЕКС ВЕТЛУГИН: Прочти для меня, Сережа, что-то свое.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Не покидай меня, Алекс. Я здесь один, мне одиноко... Слушай... Только не перебивай!

Читает свое стихотворение «Черный человек»:

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл «скверной девочкой»
И «своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

На экране идет фильм о выступлениях “Айседора в Нью-Йорке”.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Алекс, (Плачет) ...ты для меня вся Россия... Айседора придет завтра. Опять шумный день из-за газетчиков. Я хочу в кровать. Пока. До завтра.

Обнимаются. Прощаются.

Затемнение.

Картина 3

Декорации: Первые числа декабря 1922. США. Апартаменты Айседоры в Нью-Йорке. Есенин сидит в одиночестве, курит трубку. Врывается Айседора Дункан, а за ней шлейф журналистов. Кинокамеры, вспышки, цветы, голоса восторга. Восхищенные глаза. Шумно.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Любимый! Сережа. Как я тосковала по тебе.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Сейчас полдень. Я жду тебя здесь с утра.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Прости. Самолет опоздал.

Встает на колени перед ним. Кладет голову на его колени. Поднялась. Поцеловала в губы. Встала за его спиной. Восхищенные возгласы: “Айседора безумно влюблена!” Вспышки фотоаппаратов.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Господа! Я хочу остаться с мужем. До свидания!

Есенин сидит не реагируя ни на кого из публики. Двери закрылись. Они остались один на один.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Как я истосковался, Айседора! Я люблю тебя.

Взял жену на руки. Отнес на кровать. Лежат и разговаривают.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ты хорошо выглядишь. Усталость ушла. Глаза голубые-голубые.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я старался. Я отдыхал от стресса в Европе и России.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Тебе читали газеты? Алекс был в рабочем состоянии?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Да, он переводил мне сотни газет. Я восхищен тобой. Ты Голливудское Диво.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Мои гонорары превысили зарплату Президента США!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Главное, что ты здесь. Деньги это много, но это не все. Я обожаю тебя, моя Айседора. Ты мой Бог. Ты мое счастье. Я умру без тебя.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я обожаю тебя, Сережа. Нас соединил Бог. Мы счастливы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я счастлив.

Целует ее. Смотрит восхищенно.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый, может, ты хочешь встретиться со своими соотечественниками. Один из журналистов сказал, что его имя Левин Вениамин.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я знаю его. Он мой кореш по Петрограду и Москве.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Вот и хорошо. У меня есть его визитная карточка. Позвонишь завтра.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Ура! Пойдем в гости или пригласим сюда? Что лучше для дружбы!

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Необходимо купить еды. Все эмигранты очень бедны. Их шокирует номер в гостинице, который за день стоит их годовой зарплаты. Пойдем к ним! Я должна буду надеть самое дешевое платье из гардероба.

Затемнение.

Картина 4

Декорации: Первые числа декабря 1922. США. Бедный квартал Нью-Йорка. Нищенское жилье из одной комнаты. Стол. На стене МАГЕНДОВЕД. Все в еврейских шапочках. Горят свечи в семисвечнике. Все говорят шепотом. На столе почти нет еды. Тарелки, ложки, вилки и несколько ваз с салатами из овощей. Сухие фрукты. Одна бутылка недопитого красного кошерного вина. Все в черном.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Здравствуйте.

Звонит в дверь. Улыбается. Открывается дверь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Здравствуйте. Протягивает корзину с ананасами, виноградом, яблоками.

Хозяева и их друзья приветствуют гостей. Раздевают. Развешивают их шубы на гвозди, вбитые в стену. Все стоят в прихожей. В комнату не проходят.

ВЕНИАМИН ЛЕВИН: Я, Вениамин Левин - друг Сергея.

Обнимает Есенина. Подает руку Айседоре. Она отвечает на приветствие поцелуем в его щеку.

ИММАНУИЛ БРАГИНСКИЙ: Я, Иммануил Брагинский и это моя жена.

Кланяется.

САРА БРАГИНСКАЯ: Я - Сарра Брагинская, проходите. Милости просим. Айседора, вы роскошны. Я никогда не мечтала звезду увидеть в нашем доме.

Женщины идут под руку и садятся на диван. Мужчины рассаживаются за столом. Пьют вино.

ВЕНИАМИН ЛЕВИН: Вот так и живем мы, американцы. (Показывая на бедные апартаменты).

ИММАНУИЛ БРАГИНСКИЙ: Сергей, будьте добры, прочитайте свое любимое.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:

Слушай, Чекистов!..

С каких это пор

Ты стал иностранец?

Я знаю, что ты

Настоящий жид.

Фамилия твоя Лейбман,

И черт с тобой, что ты жил

За границей...

Все равно в Могилеве твой дом.

Это из "Страны Негодяев". (Смеется).

ИММАНУИЛ БРАГИНСКИЙ: Это что? После нашего кошерного вина?

САРА БРАГИНСКАЯ: Это бессовестно. Вы в гостях в еврейском доме! Это постыдно!

Сара в ярости вскочила.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Они меня не поняли. (Смеется). Может, ты станцуеть, Айседора! Из моей шутки сделали меня громилу и черносотенца.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Господа! Господа! Господа! Он не расист.

Видно, что мужчины не доверяют Есенину. Враждебно смотрят в его глаза.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я начинаю танцевать!

Щелкает пальцами. Сделала музыкальный ритм. Танцует. Восхищенно смотрит всем в лица. Улыбается. Хохочет.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Айседора. Ты сумасшедшая. Здесь ненавидят меня. Мне душно. Нечем дышать.

Бросается к окну. Хочет выброситься из окна, но на нем решетки. Возможные воры не могут вломиться сюда. Все предусмотрено.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я взбешен. Я птица. Смотри! Решетка! Я заперт в клетку!

Рвет одежду на себе. Бросившуюся к нему жену - оттолкнул. Ударил по щеке. Она подбегает снова. Пытается обнять его. Хочет поцеловать. Успокаивает. Он ударяет ее по щеке снова.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Сережа. Я здесь. Я люблю тебя. Господа, скажите? Вы же не сердитесь на него?

Умоляюще смотрит на мужчин. Крестит себя и Сергея - мужа.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Господи! Христос спаси мужа. У него опять эпилепсия.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Это все кошерное вино! Я не пил вина уже несколько месяцев. Доктор запретил. Я не сдержался. Прости меня Иисус Христос! Прости.

Падает на пол. Бьется в эпилептическом припадке. Все бросились к нему. Он вырывается. Бегаёт по комнате.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Свяжите его и надо вызвать скорую помощь.

САРРА БРАГИНСКАЯ: У нас нет телефона. Это очень дорого! Муж сбегает на улицу? Позвонит.

Иммануил Брагинский выбегает из дома вызвать врача.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Жиды! Бляди! Не трогайте меня. У вас нет сердца. Циники и чудовища. Распинайте меня, распинайте, как Иисуса Христа. Крови моей хотите.

Упал на пол. Бьется в истерике. Приступ эпилепсии. Вскрикивает. Плюет в лицо хозяину дома Брагинскому. Брагинский бьет его по лицу. Это пощечина для Есенина.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Вот и скорая помощь.

Входят санитары. Связывают Есенина. Кладут на носилки. Увозят в машине скорой помощи. Айседора уходит, не прощаясь.

Затемнение.

Картина 5

Декорации: Первые числа декабря 1922. США. Следующий день после страшного происшествия с приступом эпилепсии в гостях. Апартаменты Айседоры в Нью-Йорке.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я душевно разбит. У меня физическое истощение.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый мой. Всего одна рюмка алкоголя. Она уничтожила тебя.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Все зря, насмарку. Весь труд врачей за эти долгие месяцы в больнице. Тысячи долларов за лечение не предохранили меня. Я должен вернуться назад в свою больницу...

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый, Сережа! Ты не виноват. Ты истосковался по русским. Ты хотел их увидеть!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Но, русских нет здесь. Одни евреи. Я нашел не тех. Это трагедия. Кончилась революция. Начался террор в России. Все евреи сбежали в Америку. Разорили, взорвали Русь и уехали сюда.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый. Здесь нет русских. Нет православных в США. Не ищи мифов. Я все поняла. Ты видел, как они на меня смотрели!!!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я все видел. Мы чужие для них. Они нищие и ненавидят суперзвезд и богатство.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Сережа! Позови их, напиши объяснительное письмо. Ведь они не знали, что ты долго и упорно лечишься в США. Скажи им! Открой свою тайну, ради Бога. Умоляю, Сережа!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Кто-то звонит?

Подходит к телефону. Охрана отеля сообщает о гостях.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: А, это супруги Брагинские! Замечательно. Пропустите их к нам!

Входят вчерашние знакомые. Они подавлены. Смущены.

ИММАНУИЛ БРАГИНСКИЙ: Здравствуйте. Простите за вчерашнее недоразумение.

САРРА БРАГИНСКАЯ: Это честь для нас, когда у нас госпожа Дункан и великий поэт Есенин.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Все ерунда. Это я набезобразил. Я виноват.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Простите его. Я умоляю. Он добрый. Он верит в Бога. Без этого у него не было бы благословения от Бога. Он бы не писал стихов. Стихи это благословение с небес. Он любит всех. Поверьте, гений не может быть вероломен. Простите.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я виноват.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ляг в постель, Сергей. У тебя нервный срыв. Ты можешь умереть. Береги себя от стрессов. Ради Бога, ляг в постель.

Укладывает мужа на софу. Поправляет подушки. Целует. Ласкает. Приносит плед и бережно укрывает его грудь и ноги.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я прочту для вас свое письмо. Вот оно.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Нет, Сергей! Ты устанешь.

Протягивает письмо со стола в сторону семьи Брагинских. Сарра выхватывает письмо из рук Айседоры, опережая мужа. Читает вслух. Руки дрожат от напряжения (документальная цитата С. Есенина).

САРРА БРАГИНСКАЯ: (Цитируется документ из архива А. Хейц: Австралия).

“Милый, милый Мони Лейб!

Вчера днем Вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем я забыл, потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня я лежу разбитый морально и физически. Целую ночь около меня дежурила сест. милосердия. Был врач и вспрыснул морфий.

Дорогой мой Мони Лейб! Ради Бога, простите меня, и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь. Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разб. целые дома.

Что я могу сделать мой Милый, Милый Мони лейб, дорогой мой Мони лейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум подвергает меня в горькие слезы, хороший мой Мони лейб! Уговорите свою жену, чтоб она не злилась на меня.

Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий Вас Всех Ваш С. Есенин”.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: А, теперь, господа Брагинские! Оставьте нас. Сергей даже не помнит, где это было. Вы заходили? Или он заходил? Какая разница. Из-за одного слова “жид”, что и есть полу-шутка – полу-ругательство, вы чуть не убили моего мужа. Слов бывает много. Их было много, за много тысяч лет истории Израиля! Но, муж у меня один! Оставьте нас. Мы больше никогда не увидимся! Прощайте! У вас нет сострадания, милосердия и сердечности. Уходите.

Звонит в колокольчик. Несколько слуг открывают анфиладу дверей перед семьей Брагинских.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Сергей! Завтра я уезжаю на гастроли на четыре недели.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я буду в больнице. Спасибо за заботу. Доктора поправят меня.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Тебе не надо встречаться с бедными и безработными людьми. У тебя новая жизнь. Найди других друзей среди моих друзей миллионеров. Научись играть в теннис и водить гоночную машину.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Ты купишь мне яхту?

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Куплю, но сначала научись управляться с моторной лодкой. Умоляю, береги свое здоровье. Я безумно люблю тебя, Сергей.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Ты, Айседора, умрешь без меня?

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я умру без тебя. Ты моя последняя любовь. Я тону в твоих небесных глазах. Ты для меня весь мой мир. Береги себя.

Муж бросает одеяло. Вскрикивает. Подхватывает жену на руки. Кружится с ней по комнате. Они встают на колени друг перед другом. Обнялись. Целуют друг друга.

Затемнение.

Картина 6

Слышатся голоса различных радиостанций на разных языках: «Айседора Дункан вновь в Париже!..»

Декорации: Середина лета 1923. Франция. Роскошный и самый дорогой отель “HOTEL CRILLON” в Париже. Маникюрша, педикюрша, парикмахер и портниха готовят суперзвезду к завтраку. Рядом сидит муж и курит трубку. Полдень, дообеденное время.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я люблю тебя, Сергей. Пожалуйста, не пей водки. У тебя начнется болезнь, плохо, что здесь нет «Сухого американского закона».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я не пью. Я счастлив. Все хорошо.

Хватает пепельницу со стола. Разбивает зеркало. Бьет оконные стекла. Крушит мебель. Ломает стулья. Бросается к жене и начинает ее душить. Прислуга кричит на всех европейских языках. Разбегается.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Не надо, Сергей! Ты сумасшедший!

Вбегает полиция. Заворачивает ему руки за спину. Уводят. Айседора убегает. Крики. Шум. Скандал и брань.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Простите. Он болен! Не надо его в тюрьму. Вот справка от врачей из Америки.

Кричит истерично. Несчастье на лицо.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я не знаю, что делать... Мои гастроли... Помогите ему, Господи!.. Впереди две недели сумасшедшей работы... Помогите ему, Господи! Все началось по новой. Любимый, безумный муж!

Смотрит в зеркало.

Как я изменилась... Сколько морщинок, глаза совсем потускнели... Какая страшная метаморфоза приключилась со мной... Что я могу сделать? Как я могу сопротивляться? Разве можно всем рассказать о том, как он похож на Патрика, моего маленького сынишку, который сумел... который будто бы выжил, вырос и стал гениальным поэтом... (Плачет). Золотая голова... Золотая голова... Патрик...

Затемнение.

Картина 7

Декорации: Середина лета 1923. Франция. Тот же номер в “HOTEL CRILLON”. Много цветов и фруктов. Горит камин. Вечер.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Айседора!

Распахивает дверь нараспашку. Встает на колени.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Да, Сергей! Ты здесь!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Прости меня. Я измотал твои нервы. У тебя больше нет сил. При твоём ритме концертов у тебя нет сил на меня.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Нет. Я люблю тебя. У меня есть силы!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Нет. Ты лжешь. Сил у тебя нет! Я должен уехать... Только не в Россию... Но мне нужны русские. Их много в Берлине. Иногда, мне кажется, все мои друзья высланы из страны. Они все в Германии.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Хорошо. Я приеду к тебе. Возьми это.

Достает пачки долларов. Одна другая. Десятая.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Здесь несколько тысяч. Тебе хватит на год, если не украдут?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Положу в банк в Берлине.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Хорошо. Поступай, как тебе удобнее. Я с тобой навсегда. Пока я жива, ты со мной, Сережа.

Встает на колени. Обнимает его. Быстро встает. Повернулась спиной к мужу, который стоит на коленях.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Пока, Сергей! Помни, я люблю в тебе мужчину.

Муж стремительно вскакивает. Подходит к жене. Целует каждый палец руки. Уходит. Денег не взял.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я пошлю их к своему банкиру в Берлине. Вот и все. Моя любовь почти умерла. Я постарела от этой русской любви на сто лет.

Яркий луч света ударяет женщине в лицо. Она закрывается от света ладонями. Свет сужается в круг. Женщина рыдает и падает на пол.

Затемнение.

Картина 8

Декорации: Конец лета 1923. Германия. Берлин. “Зал Шуберта” переполнен. Вечер стихов Сергея Есенина. Поэт стоит на сцене. Голоса: “Есенин! Ура! Есенин с нами! Да здравствует гений Есенин!”

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Да здравствую я, Сергей Есенин!

Фужер с водкой в руке. Отпивает мелкими глотками. Совершенно пьян. Еле стоит на ногах. Кажется, вот-вот упадет.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я прочту для вас “Москва кабацкая”

Читает медленно. Никаких знаков препинания. Голос грустный и безразличный. Глаза закрыты. В руке водка.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Он исписался. Он умер, как поэт. Я знаю его, как друг с 1910. Нет больше Есенина. Алкоголик остался.

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС: Да нет, жив еще курилка. Теплится душа у больного Сереги!

МАРИЯ АНДРЕЕВА: Это безобразие. Как это артист может быть таким!

Показывает тюлевой перчаткой и лорнетом в сторону поэта.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: А ты, сука! Молчи, блядь! Убила своего мужа! Денег его хочешь, курва!

Прикрыл один глаз. Плеснул водку из фужера ей в лицо. Женщина отряхивает платье. Встает. Уходит из зала.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ: Есенин бандит. Нет, места для приличных людей здесь. Я ухожу.

Подбегает к знаменитой Андреевой. Целует ей руку. Помогает выйти из зала на свежий воздух.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Все вы бляди. Проебали Россию. Какой еще здесь это граф Алексей Толстой? Он обокрал кредиторов в банке. Скитаетесь на объедках за границей. Такую страну зарезали! Отбросы вы все. Социалисты сраные, недоебанная большевиками интеллигенция. Алексей Толстой это вор. Бляди, вы все.

В зале крики возмущения. “Выведите хулигана”. “Алкоголика вон”. “Не зря тебя бросила Айседора”. “Кому нужен дурак!”.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Хотите стихов? Слушайте.

Наливает фужер водкой. Достал бутылку из внутреннего кармана пиджака. Кто-то из зала пытается увести Есенина за кулисы. Он сопротивляется. Стоит на сцене. Не уходит. Выпивает фужер до дна. Хохочет демонически.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Слушайте. Вот вам стихи!!! “Исповедь хулигана”

Закончил читать. Видно, что совершенно трезвый. Поклонился залу. Ушел за кулисы. Упал на пол. Потерял сознание. В зале мертвая тишина. Все под впечатлением его чтения. Он читал “криком-кричал” и “от всей души”. Это было раздевание “на сцене”.

Картина 9

Декорации: Конец лета 1923. Германия. Берлин. “Зал Шуберта” переполнен. Вечер стихов Есенина закончен. Поэт лежит за занавесом без чувств. У него обморок от болезни. Все уверены, что он пьян.

МУЖЧИНА: Напился, как свинья. Тоже мне, второй Пушкин! Убожество, а не поэт!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Нет, я в норме. Я устал бороться за жизнь. Я слаб, стар и болен.

ДРУГОЙ МУЖЧИНА: Поднимем его? Помогите!

Трое мужчин поднимают Есенина. Усаживают его на стул. Он не подчиняется. Влезает на стол. Сел по-турецки, подвернув под себя ноги, как сидят у костра крестьянские подростки в ночном. Он тут же заснул. Послышался храп. Лица не видно. Висят волосы и они закрывают глаза.

МУЖЧИНА: Алексеев, его надо увести от стыда и позора. Ты же его ближайший друг!

Он прикоснулся к Есенину. Тот вздрогнул. Проснулся.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я не знаю, где мне спать?

ДРУГОЙ МУЖЧИНА: Пойдем ко мне.

Все вышли вместе. Около пяти часов утра. Фонари погашены. Сумрачный рассвет.

Идут крайне устало и медленно.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: “Никого я не люблю... только детей своих люблю. Дочь у меня хорошая - блондинка, топнет ножкой и кричит: я - Есенина!. Вот какая у меня дочь... Мне бы к детям... а я вот полтора года мотаюсь по этим треклятым границам...” (документальная цитата С. Есенина).

Затемнение.

Картина 10

Слышатся голоса различных радиостанций на русском языке: «Сергей Есенин вернулся в Россию!...»

Декорации: Сентябрь 1923. Россия. Гостиница “Метрополь” в Москве. Ресторан.

Обеденное время. Официанты разносят блюда.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я здесь. Я приехала за тобой! Привет Сергей, моя любовь.

Входит. Протягивает руки к Сергею Есенину. Улыбается. Протягивает ему пачку газет на русском языке.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Вот. Читай, что пишут газеты в Москве. Здесь о моем танце перед Лениным. Написал Министр культуры России сам Луначарский!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я рад тебе. Ты снова в Москве. Ты выглядишь, как красавица. Добро пожаловать в Россию.

Берет газеты. Приглашает присесть. Официант подвигает для женщины стул. Подает меню.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я зачитаю из сраной газеты вслух для тебя:

“В центре мирозерцания Айседоры стояла великая ненависть к нынешнему буржуазному быту. Ей казалось, что и нынешняя биржа, и государственная чиновничья служба, и современная фабрично-заводская работа, и весь уклад обывательской жизни, все, за исключением некоторых, по ее мнению, оставшихся здоровыми частей деревни, представляют из себя грубый и глупый отход от природы и...” (документ: 1923).

Смеется. Заливается хохотом.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Не верь, Айседора! “Все это какая-то хуйня и блядство” (документальная цитата С. Есенина). Это западня. Они хотят моей и твоей смерти. Не зря Ленин назвал Луначарского “болтуном” и “балериной”. Даже Горький не вынес этого блуда и уехал из России. Мог бы жить в Ялте, а уехал вон от травли и бесов.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Это ужас. Я подозревала, что здесь тюрьма для таких, как ты. Ты погибнешь, Сережа. Ты очень умный. Ты все видишь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Смотри, что я нашел в журнале “Революция и Церковь”. Хочу для тебя прочитать:

“В Москве было конфисковано у церквей: 551 жилых домов, 100 торговых помещений, 52 школьных здания, 71 богадельня для калек войны и их жен, 31 больница и 6 детских приютов для сирот войны”. Это журнал от 1919, номера: 9-12, страница 104. Журнал печатает “Моссвет” (документ: 1919).

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Это катастрофа. Все эти люди на улице городов. Слепые и убогие сироты и инвалиды. Пенсий у них нет от РСФСР.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: И еще, Айседора! До 1920 завершили национализацию больниц, монастырей и церквей. Сегодня к 1923 все растащено и скоро будут продавать в Европе и США.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я видела. В Нью-Йорке завалены антикварные магазины. В Европе забиты тоже.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я больше скажу. Концентрационные лагеря в монастырях. Прямо здесь в Москве. Это Ивановский монастырь, Ново-Спаский и Спасо-Андрониковский. Тысячи и тысячи мучеников - монахов расстреливаются в тюрьмах каждый день.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Это плохо для твоего здоровья, Сережа. Это стрессы. Ты слаб психически. Тебе надо в Нью-Йорк, в покой, в твою больницу. Я приехала за тобой! Да, но я не смогу с тобой жить. Мое сердце разрывается от боли. Я не могу учить в балетных классах в Европе, если ты умираешь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я не умираю!

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Нет, ты умираешь. Тебе нужен уход. Россия для тебя смерть и западня. Революционеры застрелят тебя. Ведь, тебя уже допрашивали на Лубянке?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Да, допросы были. Отпустили меня. А мой друг Клюев погиб в концлагерях.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: В посольстве США в Берлине меня предупредили опасаться: Маяковского, Агранова, Льва Эльберта с семьей Бриков. Они чекисты и террористы. Берегись их, Сережа. Они не убийцы, а солдаты Революции! С их молчаливого согласия совершаются казни и убийства.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Чего их бояться! Вот они сидят за соседним столиком.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Но, ты запомни их имена. На их руках бесконечная кровь и коварство злобы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я их всех знаю. Лев Эльберт от меня не отходит ни на шаг. Каждый день. Как бы случайно, но каждый день.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я чувствую, что он занимается тобой.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Говорит, что обожает мои стихи. Я не верю. В глазах у него уголья горящие от беса.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Сережа! Я боюсь за тебя. Давай увезу тебя с собой в Берлин.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Но, ведь мы в разводе? Али, нет?

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Я привезла бумаги от адвокатов. Подпиши их и ты разведен.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: А, если не подпишу?

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Значит мы в браке! И все мое имущество в Монте-Карло, Ницце, Нью-Йорке тоже твое.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я подпишу.

Берет бумаги. Подписывает. Смеется. Ломает ручку на несколько частей и бросает в зал.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: А может, поедешь со мной в Берлин и потом в Америку?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Не могу без России. Апокалипсис я хочу пережить здесь. Россия гибнет. Убийство царской семьи и пяти девственных детей - это глас проклятья. Нас оставил Бог за грехи перед Церковью и Богородицей.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый Сережа, я поднимаю тост. Пусть будет с тобой Бог.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Хороший тост. Айседора я люблю тебя. Я не могу без тебя. Но, ты должна уехать из России. Это гиблое место. Слежки, доносы, концлагеря не для голливудской звезды. У России нет дипломатических отношений с США. Тебя никто не сможет защитить от бандитов из Кремля.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Милый Есенин. Бог тебе судья.

Поднимают бокалы. Поспешно ставят на стол. Не отпивают. Встают. Пылко обнимают друг друга. Стоят обнявшись.

АЙСЕДОРА ДУНКАН, СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Вот и все. Мы порознь. Я не ты. Ты не я.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: У тебя своя жизнь.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: У меня своя жизнь. Прощая, моя любовь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я гений! Я все могу.

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Ты гений! Ты все можешь, но не здесь. Здесь трагедия.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я не могу жить в больнице в Нью-Йорке. У тебя будут бесконечные гастроли!

АЙСЕДОРА ДУНКАН: Пока, мой Сережа. Пиши в Нью-Йорк, мне передадут.

Встала. Взяла бумаги. Помахала рукой. Ушла.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: Я напьюсь сегодня до “поросычьего визга”, до забытья. Я алкоголик, эпилептик и наркоман. Я умру от этого. Мне не вылечиться в России.

За его спиной крадутся люди. Они с бокалами шампанского. Они сидели за соседним столиком. Кричат все вместе: “Ура, Есенин!” “Наш гений. Наш поэт! Наш второй Пушкин”. Чокаются бокалами о его бокал. “Станцуй, Сережа!” Он начинает танцевать “русского”. Танец захватывает всех. Все в восторге!

Затемнение.

Пустая сцена. Яркий свет, льющийся на всю площадку. Падает белый то ли пух, то ли снег, то ли просто в мираже чьего-то сна осыпаются белые цветы на приподнятый подиум сцены.

Слышны детские голоса, эхом раздающийся смех. Мальчик и девочка лет 5-6 бегают, играют в этой вселенской пустоте еще только зарождающейся драмы человеческих страстей. Высокий тонкий звук надмирно колеблет молчаливое ожидание зрителей. Дети играют и исчезают, появляются и убегают... Тихо и пустынно, иллюзорно и безумно красиво это Предощущение...

КОНЕЦ